

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:327(597+47+57)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-379-398

НА ГРАНИ РАЗРЫВА И РАСПАДА: ОБМЕН ЗАКРЫТЫМИ ПИСЬМАМИ И ПОПЫТКА Н.С. ХРУЩЕВА И ЛЕ ЗУАНА В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ «СПАСТИ СИТУАЦИЮ»

Дмитрий Валентинович МОСЯКОВ¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

d.mosyakov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Аннотация: Статья посвящена изучению наиболее сложного периода в истории советско-вьетнамских отношений, когда деградация взаимных связей дошла до такого уровня, что их разрыв стал казаться неизбежным. Автор анализирует причины почему этого не случилось, почему, несмотря на все взаимные обвинения и обиды, и вьетнамская и советская стороны сумели остановить набравшую опасную силу негативную тенденцию. Важную роль в этом сыграла по всей видимости закрытая переписка в виде специальных писем от ЦК КПСС к ЦК ПТВ и в обратном порядке. Кроме того, для вьетнамского руководства оставалось важным получать помощь от СССР, особенно современным вооружениям, а советская сторона считала для себя невозможным очередной разрыв с такой авторитетной Компартией как вьетнамская. В Москве опасались, что это окончательно подорвет авторитет СССР как передовой революционной державы, лидера коммунистов всего мира.

В статье отмечается, что в критический момент эти соображения обладали и высшее вьетнамское руководство решило согласиться с приглашением советской стороны и отправиться с визитом в Москву. Это было ключевое решение, предотвратившее раскол и разрыв. В ходе визита в апреле 1964 г. вьетнамцы получили и экономическую и военную помощь, а главное Н.С. Хрущев согласился на сохранение тесного сотрудничества с ДРВ с Китаем. Рассматривается и вопрос о том, какие факторы заставили советского лидера сменить свое негативное отношение к ПТВ.

Ключевые слова: СССР, Вьетнам, Америка, вмешательство, закрытое письмо, агрессия, визит, успех

Для цитирования: Мосяков Д.В. На грани разрыва и распада: обмен закрытыми письмами и попытка Н.С. Хрущева и Ле Зуана в последний момент «спасти ситуацию» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 2, № 2 (71). С. 379–398. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-379-398

Original article. Historical science

**ON THE VERGE OF RUPTURE AND DISINTEGRATION, AN
EXCHANGE OF CLOSED LETTERS AND AN ATTEMPT
BY N.S. KHRUSHCHEV AND LE DUAN AT THE LAST MOMENT
TO «SAVE THE SITUATION»**

Dmitry V. MOSYAKOV¹

¹ Institute of Oriental Studies RAS, Russia, Moscow,
d.mosyakov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Abstract: The article is devoted to the study of the most difficult period in the history of Soviet-Vietnamese relations, when the degradation of mutual ties reached such a level that their rupture seemed inevitable. The author analyzes the reasons why this did not happen, why, despite all the mutual accusations and resentments, both the Vietnamese and Soviet sides managed to stop the negative trend that was gaining dangerous strength. An important role in this was played, apparently, by closed correspondence in the form of special letters from the Central Committee of the CPSU to the Central Committee of the PTV and in reverse order. In addition, it remained important for the Vietnamese leadership to receive assistance from the USSR, especially with modern weapons, and the Soviet side considered it impossible for itself to break with such an authoritative Communist Party as the Vietnamese one. Moscow feared that this would completely undermine the authority of the USSR as an advanced revolutionary power, the leader of communists around the world.

The article notes that at a critical moment, these considerations prevailed and the top Vietnamese leadership decided to accept the invitation from the Soviet side and go on a visit to Moscow. It was a key decision that prevented a split and rupture. During the visit in April 1964, the Vietnamese received both economic and military assistance, and most importantly, N.S. Khrushchev agreed to maintain close cooperation with the Democratic Republic of the Congo and China. The question of what factors forced the Soviet leader to change his negative attitude towards PTV is also being considered.

Keywords: *USSR, Vietnam, America, intervention, closed letter, aggression, visit, success*

For citation: Mosyakov D.V. On the Verge of Rupture and Disintegration, an Exchange of Closed Letters and an Attempt by N.S. Khrushchev and Le Duan at the Last Moment to «Save the Situation». *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, T. 2, № 2 (71). Pp. 379–398. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-379-398

Период 1963 – начала 1964 г. оказался крайне трудным для советско-вьетнамских отношений. Отношения, казалось бы, дошли до самого дна, и обе стороны стояли перед угрозой окончательного разрыва связей. Н.С. Хрущев, считая, что не должен идти на поводу у вьетнамских друзей, столкнулся с их ответной реакцией: чувствуя себя обиженными якобы недостаточной помощью Москвы, они стали ещё более жёстко и откровенно критиковать политику Кремля.

Во время подготовки визита Лю Шаоци в марте 1963 г. года Ле Зуан выступил с речью, в которой заявил, что «пролетариат не имеет никакой альтернативы, кроме как использовать насилие, чтобы уничтожить буржуазный государственный аппарат и установить свой собственный». Это была явная критика рекомендаций Н.С. Хрущева и его политики мирного сосуществования. Крен вьетнамского руководства в сторону Китая стал ещё более заметен, когда 6 и 9 августа 1963 г. в передовых статьях газеты «Нян Зан» была выражена поддержка позиции Пекина, осудившего подписание Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в космическом пространстве и под водой¹.

Н.С. Хрущев, напротив, рассматривал этот договор, подписанный в Москве 5 августа 1963 г. представителями СССР, США и Великобритании, чуть ли не как вершину политики мирного сосуществования и важный первоначальный шаг к разрядке международной напряжённости и укреплению мира. Как говорилось в Заявлении Советского правительства: «Тот факт, что Советскому Союзу, с одной стороны, США и Англии – с другой, удалось договориться о запрещении ядерных испытаний в трех средах, создает предпосылки для укрепления доверия между государствами с различным социальным строем, а значит, и для новых шагов в ослаблении международной напряженности»².

Вьетнамское руководство в оценке этого договора демонстративно поддержало не мнение Н.С. Хрущева, а позицию Мао Цзэдуна, который указал, что, заключая такой договор, Хрущев стремится лишить Китай доступа к ядерному оружию. В своём заявлении Пекин называл данный договор «обманом» и «предательством» интересов социалистических стран и народов всего мира, отмечал, что он притупляет бдительность в отношении агрессивной политики империалистических государств, приводит к «ослаблению обороноспособности социалистического содружества» и, более того, «закрепляет монополию трех держав на атомное и водородное оружие»³.

Параллельно с этим, с начала июля 1963 г., в ханойской прессе развернулась кампания так называемой «антиревизионистской» пропаганды, направленная против сторонников Советского Союза в

руководстве Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ). Сторонники решительной вооруженной борьбы за освобождение Юга (составлявшие большинство) вели непримиримую борьбу с теми, кто продолжал утверждать, что важнее всего экономическое развитие Севера, создание там крепкой индустриальной базы и устойчивой экономики. Именно этих людей и записывали в «ревизионистов», так как их позиция совпадала с рекомендациями Москвы. Таким образом, критика Н.С. Хрущева и КПСС была переведена в плоскость внутрипартийной борьбы и организации чисток рядов, целью которых стало устранение от руководства и элиминирование влияния людей, связанных или симпатизировавших СССР.

Главным объектом критики оказался герой и победитель французов при Дьенбьенфу, член Политбюро ЦК ПТВ, самый заслуженный вьетнамский военачальник Во Нгуен Зиап. Как рассказывал мне И.А. Огнетов, он был против развертывания широкомасштабной войны на Юге, считал, что нужно в первую очередь развивать Север, часто приезжал в Москву, где вел переговоры по поставкам оружия, был на дружеской ноге с советскими генералами, и на основе всего этого его «записали» в сторонников «советских ревизионистов». Один из влиятельных членов руководства страны, близкий к Ле Зуану генерал Нгуен Ши Тань, который в 1965 г. возглавит северо-вьетнамские войска на Юге, «заклеймил клеймом "ревизиониста" не только самого Зиапа, но и его жену». Один северо-вьетнамский перебежчик на допросе показал американцам, что именно Тань обвинял жену Зиапа, уехавшую в начале шестидесятых в Москву на учебу, в том, что она, будучи лично знакома с Хрущевым, «сослужила мужу скверную службу». Через нее, как следовало из обвинений Таня, Зиап сблизился с Хрущевым, и они «очень часто» сносились между собой. Тань уверял, что Хрущев оказывал «особенно сильное влияние на Зиапа». Последний, разумеется, отрицал эти губительные для него «заведомо ложные и клеветнические измышления»⁴.

Угроза преследования и ареста нависла в это время не только над Зиапом, но и над многими другими друзьями СССР в военно-политической элите, и только осторожность Хо Ши Мина, сумевшего играть между противостоящими группами в руководстве ПТВ и ДРВ, спасла Вьетнам от начала полномасштабных репрессий и арестов.

В Москве получали информацию о том, что происходит в ДРВ и в руководстве ПТВ. Чтобы остановить нараставшую волну обвинений и критики в адрес СССР, были подготовлены и направлены в адрес вьетнамского руководства письма, разъясняющие советскую позицию.

Одно письмо было датировано 28 ноября 1963 г., другое было передано лично советским послом в руки Хо Ши Мина. В этой связи несомненный интерес вызывает запись их беседы, состоявшейся во время передачи этого письма. Посол сообщал: «20 декабря 1963 г. по поручению Центра посетил Хо Ши Мина и передал ему письмо ЦК КПСС от 17 декабря 1963 г. Поблагодарив за письмо, Хо Ши Мин сказал, что оно пришло "очень своевременно". По его словам, Политбюро ЦК ПТВ только что подготовило ответ на письмо ЦК КПСС от 28 ноября 1963 г. "Я не буду сейчас подробно говорить об этом ответном письме, – заметил Хо Ши Мин, – так как в ближайшие дни оно будет Вам передано". Суть его сводится к тому, что делегация ЦК ПТВ в составе Ле Зуана, Ле Дык Тхо, Хоанг Ван Хоана и То Хыу в конце января поедет в Москву»⁵.

Из приведенного выше текста следует, что, несмотря на взаимные обвинения в ревизионизме с одной стороны и прокитайской ориентации – с другой, две партии продолжали вести интенсивный диалог, обменивались письмами и старались понять противоположную сторону. К сожалению, тексты двух писем ЦК КПСС к ЦК ПТВ от 28 ноября и от 17 декабря 1963 г., насколько мне известно, пока недоступны, но можно предположить, что обе стороны активно обсуждали актуальные разногласия. Это обсуждение явно шло в позитивном ключе, иначе решение о поездке высшего руководства ПТВ в Москву не было бы принято.

Возвращаясь к стенограмме беседы нашего посла и президента Вьетнама, внимание привлекают слова Хо Ши Мина о том, что «в целом движение на Юге развивается хорошо. Это не субъективное мнение, – подчеркнул Хо Ши Мин, – такова реальная обстановка»⁶. В этом заявлении вьетнамского лидера явно прослеживается отсылка к тексту одного из писем, где, видимо, советские товарищи критиковали руководство ПТВ за излишне оптимистические сообщения и прогнозы. Президент Вьетнама это опровергает, говоря, что все их сообщения соответствуют реальной действительности. В целом, то, как вел себя Хо Ши Мин с послом, показывает, что сообщения, которые получал Н.С. Хрущев о том, будто его молодые соратники отодвинуты от власти, не соответствовали действительности. Скорее всего, Хо Ши Мин управлял ситуацией, опираясь на свой авторитет и путем противопоставления разных амбициозных властных фигур друг другу, оставаясь при этом главным арбитром.

Если оценивать общую ситуацию в двусторонних отношениях, то на рубеже 1963–1964 гг., несмотря на интенсивный диалог в виде

официальных посланий, она оставалась крайне напряженной. После неудачных попыток повлиять на политику советского лидера на встречах в Пицунде в 1961 г. Хо Ши Мин охладел и к Н.С. Хрущеву, и к СССР. Его отстраненность проявилась в том, что он ограничил советским дипломатам возможность встречаться и обсуждать вопросы с членами высшего вьетнамского руководства. Фактически посольство СССР оказалось в вакууме, и любая встреча даже с второстепенным чиновником становилась в это время выдающимся событием. Подтверждением этого может служить встреча посла С.А. Товмасына с Нгуен Ван Винем, главой комиссии по объединению страны при ЦК ПТВ, состоявшаяся 19 декабря 1963 г. В поступившем от посла сообщении говорилось, что он «встретился с Нгуен Ван Винем и по указанию Центра информировал его о решении Министерства здравоохранения СССР принять на лечение в Советский Союз в первой половине 1964 г. по линии Красного Креста 50 раненых бойцов Национального фронта освобождения Южного Вьетнама». В ответ Винь поблагодарил и сказал: «Я немедленно доведу Ваше сообщение до сведения ЦК ПТВ и ЦК Фронта». Далее посол информирует, что он «сказал Виню: в последнее время мы получаем довольно мало информации от друзей о событиях, происходящих в Южном Вьетнаме. По-моему, – заметил я, – постоянный обмен мнениями о положении на Юге был бы в интересах нашего общего дела»⁷.

Нельзя не обратить внимание на то, что посол обращается с крайне важным пожеланием чаще встречаться с вьетнамским руководством и получать больше информации к чиновнику не первого уровня, так как Нгуен Ван Винь являлся не самой значимой фигурой в иерархии вьетнамской власти – всего лишь главой комиссии по объединению страны при ЦК ПТВ. Но именно к нему посол был вынужден обратиться со своим пожеланием, так как других возможностей донести его до высшего руководства он не имел. Это говорит о том, что контакты советских представителей в это время были сильно ограничены, и у них не было возможности встречаться непосредственно с первыми лицами руководства ДРВ⁸.

На что еще хотелось бы обратить внимание, так это на сложность организации самой встречи. Когда советские дипломаты обратились с соответствующей просьбой в секретариат Виня, им ответили, что «посольство должно связаться с отделом Южного Вьетнама МИД ДРВ, который и решит вопрос об организации запрошенной нами встречи». Раньше, как отмечал посол, подобные вопросы непосредственно решались в Комитете по объединению страны⁹. Понятно, что усложнение

этой процедуры было согласовано с руководством ПТВ, и его цель состояла в том, чтобы показать: теперь контакты с советским посольством из неформальных и доверительных должны носить чисто официальный характер. Это был знак охлаждения отношений, сигнал, который был вполне очевиден.

Еще одним признаком изменившейся атмосферы стал сам стиль состоявшейся беседы. С.А. Товмасын пишет, что «собеседник как бы вскользь заметил, что Советский Союз, как один из сопредседателей Женевской конференции, имеет возможность ограничить ввод американских войск в Южный Вьетнам. "Мы считаем, – еще раз повторил он, – что эта возможность есть у СССР как сопредседателя"»¹⁰. Это было очередное и явно несправедливое обвинение в адрес Москвы: с точки зрения вьетнамского представителя, СССР либо не способен, либо не хочет остановить ввод американских войск на Юг Вьетнама. Однако дело в том, что Москва не могла и не имела возможности остановить американцев, так как те просто игнорировали вторую Женевскую конференцию, где СССР был сопредседателем. При этом в Ханое знали о неспособности Кремля остановить американскую инфильтрацию в Южный Вьетнам, но искали очередной повод, чтобы обвинить СССР, еще раз заявить, что Москва «недорабатывает» в организации помощи ДРВ.

На самом деле США перебрасывали свои войска во Вьетнам безо всякой оглядки на сопредседателей Женевской конференции. Причина этого лежала во многом в том, что резко повысилась активность вооруженных действий со стороны северо-вьетнамских войск и южновьетнамских партизан, которые теснили войска Нго Динь Зьема (Нго Динь Дьема). Происходило именно то, чего так опасался Н.С. Хрущев: события на Юге Вьетнама начинали переходить из регионального в глобальный уровень, а американцы, вместо того чтобы «бросить» сайгонский режим, как рассчитывали отдельные влиятельные северо-вьетнамские стратеги, только усиливали его поддержку и расширяли свое участие в войне на Юге. В 1963 г. в Ханое еще не вполне осознавали масштабы надвигающейся войны, поэтому Нгуен Ван Винь держался самоуверенно и даже заявил, что «друзья хотели бы получить наши соображения о линии борьбы на Юге» (такая просьба обычно поступала от первых лиц, а не от фигур уровня Виня. – Д.М.). Здесь явно звучала отсылка к рекомендациям Н.С. Хрущева отказаться от вооруженной борьбы на Юге, желание показать ошибочность его политики на фоне непрерывных успехов коммунистических сил в этом регионе Вьетнама.

Действительно, в начале 1964 г. для вьетнамских коммунистов все выглядело крайне оптимистично: на поле боя были достигнуты ощутимые успехи. В период с 3 по 6 февраля, например, началось широкомасштабное наступление против войск сайгонского режима в провинции Тай-Нинь и в дельте Меконга. 3 февраля вьетнамские патриоты напали на резиденцию американских советников в городе Контум. 7 февраля устроили взрыв в столичном театре Кинь-До, когда там находились только американцы: трое военнослужащих США погибли, пятеро получили ранения. В начале апреля действия северо-вьетнамских войск в окрестностях Сайгона стали настолько агрессивными, что южновьетнамский режим вынужден был создать специальную оборонительную зону вокруг столицы.

Менее недели спустя силы коммунистов овладели Кьен-Лонгом, столицей округа в дельте Меконга. При этом было убито 300 южновьетнамских солдат. 2 мая группа подводников-диверсантов потопила стоявший у причала в порту Сайгона американский вертолетоносец «Кард». США никак не прореагировали на этот инцидент. 4 июля примерно полк бойцов Вьетнамской народной армии (ВНА) захватил базу войск специального назначения в Нам-Донге, на севере Южного Вьетнама. Погибло пятьдесят южновьетнамцев и двое военнослужащих спецназа США¹¹.

Уверенность руководства ДРВ придавало и то, что нападения на американцев и захват новых территорий не получали жесткого ответа с американской стороны по разным обстоятельствам. В руководстве ПТВ крепло убеждение, что в Вашингтоне могут принять решение и вовсе уйти с Юга Вьетнама; у них теплилась надежда, что широкомасштабного вторжения США на Юг Вьетнама никогда не будет. Такая позиция носила необъяснимый и парадоксальный характер на фоне заявлений главы Пентагона Роберта Макнамары, сказавшего 9 марта 1964 г. в Сайгоне: «Мы останемся здесь столько, сколько будет необходимо. Мы предоставим любую помощь, которая необходима, чтобы выиграть битву против коммунистического восстания»¹². До него Роберт Ф. Кеннеди, брат президента и министр юстиции США, находясь в Сайгоне, также указывал: «Мы собираемся победить во Вьетнаме, и мы останемся здесь до тех пор, пока не победим»¹³. Все эти заявления влиятельных американских деятелей не убеждали руководство ДРВ, впрочем, как и прибытие все новых советников и даже регулярных частей США в Южный Вьетнам.

Эйфория и «головокружение от успехов» на фронтах Южного Вьетнама привели к тому, что в Ханое среди руководства сложилось

мнение: для победы в войне можно обойтись даже без помощи Москвы, опираясь исключительно на поддержку китайских друзей. Там полагали, что с Кремлем теперь можно держаться подчеркнуто холодно и официально, а параллельно с этим еще более активно развивать отношения с Пекином. По данным Министерства обороны СССР, в 1964 г. начались переговоры между КНР и ДРВ о заключении военного договора. Во Вьетнам была приглашена китайская делегация во главе с министром обороны КНР Линь Бяо, и в декабре обе стороны подписали договор, предусматривавший возможность ввода китайских войск на территорию ДРВ¹⁴. Вьетнамцы также информировали советского военного атташе о том, что надобность в военных специалистах из СССР во Вьетнаме отпала, и по истечении срока пребывания в ДРВ они должны покинуть страну¹⁵.

В это же время по обвинению в ревизионизме были репрессированы десятки старших офицеров вьетнамской армии, симпатизировавших СССР¹⁶. В такой ситуации Н.С. Хрущев жестко ответил и, в свою очередь, сократил на 30% экономические поставки в ДРВ, а также предложил Ханой заплатить долги за оказанную помощь. По понятным причинам ДРВ не могла этого сделать¹⁷. Все эти действия Москвы воспринимались в Ханое как враждебные; они в целом «лили воду на китайскую мельницу» и дали Мао Цзэдуну лишний повод обвинить СССР в «ревизионизме и нежелании поддерживать национально-освободительные движения»¹⁸.

Объективная реальность, сложившаяся в 1963 г., свидетельствовала о том, что отношения двух государств и правящих в них партий опустились на самое «дно» и находились буквально в шаге от полного разрыва. Симпатии вьетнамского руководства в советско-китайском противостоянии явно были на стороне КНР: в условиях начавшейся против воли Кремля войны на Юге Вьетнама решительные антиимпериалистические призывы Пекина, его открытый антиамериканизм и обещания почти прямого военного участия для защиты ДРВ смотрелись очень убедительно. К этому следует добавить, что в это время китайская экономическая и военная помощь Вьетнаму была существенно больше, чем советская.

Поэтому неудивительно, что на IX пленуме Партии трудящихся Вьетнама в декабре 1963 г. «лидеры ДРВ решительно отмежевались от внешнеполитической стратегии СССР как "оборонительной" и "ревизионистской". Ханой отдал предпочтение "маоистской теории революционной войны" как крайне полезной и эффективной в сложившихся условиях»¹⁹.

После всех этих заявлений могло создаться впечатление, что разрыв отношений СССР и ДРВ неминуем. Но это впечатление было обманчивым, так как существовали два фактора – объективный и субъективный, – препятствующие такому исходу. При всех претензиях к Москве в Ханое не могли себе позволить окончательно отвергнуть советскую помощь. Задачи объединения страны, угроза американского вмешательства на Юге, необходимость укрепления армии требовали контактов с Москвой, тем более что у Китая не было столь современного оружия, как у СССР. К этому, конечно, следует добавить фактор Хо Ши Мина – человека и политика, способного подняться над текущими обстоятельствами, умеющего смотреть далеко вперед и делать правильные шаги. Разговоры о том, что он отодвинут от власти и не «при делах», не соответствовали действительности. Недаром именно ему вручалось письмо ЦК КПСС, и он сказал тогда, что оно было получено «очень своевременно». Он решительно выступил в пользу того, чтобы ни в коем случае не отказываться от переговоров с советским руководством и направить делегацию высших руководителей ПТВ и ДРВ на переговоры в Москву. Следует отметить, что и в Кремле существовало мнение, что нельзя ни в коем случае рвать отношения с ДРВ: такой шаг был бы крайне негативно оценен в коммунистическом мире и воспринят как измена интернациональному долгу советских коммунистов в борьбе с американской агрессией и за лучшее будущее²⁰. Полагаю, что сочетание этих факторов спасло ситуацию, не позволило двум партиям перейти черту, за которой вернуть отношения СССР и ДРВ в прежнее русло было бы очень сложно.

В этой связи особое значение для улучшения отношений двух стран имел визит в Москву в январе 1964 г. партийно-правительственной делегации ПТВ во главе с Ле Зуаном. Это был очень проницательный и разумный человек. Как рассказывал мне многолетний ответственный работник Международного отдела ЦК КПСС и выдающийся специалист по Вьетнаму Е. В. Кобелев, Ле Зуан, даже без рекомендации Хо Ши Мина, сам хотел отправиться в Москву, так как был не до конца уверен в поддержке Китая в случае вторжения американцев на Юг страны. На всякий случай он хотел иметь в числе союзников еще и Москву. Поэтому, буквально через месяц после того, как он в очередной раз обвинил СССР в ревизионизме и в нежелании бороться с американским империализмом, без колебаний принял предложение советского лидера и поехал на переговоры с Н.С. Хрущевым.

О ходе этих переговоров существуют разные точки зрения. Одна из них, описанная Ильей Гайдуком, говорит о том, что в ходе

напряженных переговоров Ле Зуан критиковал советскую политику мирного сосуществования с Западом, помощь СССР Индии в ее конфликте с Китаем, отказ от помощи КНР в создании ядерного оружия, недостаточную поддержку национально-освободительного движения²¹. В ответ на это Н.С. Хрущев фактически подверг критике решение руководства ДРВ о разворачивании вооруженной борьбы на Юге²². Есть и иная точка зрения, которая, в отличие от первой, подтверждается фактами: визит был крайне удачным, удалось выстроить личные отношения вьетнамского и советского лидеров, а в результате поездки была восстановлена помощь и возобновлены контакты с СССР.

В подтверждение второй точки зрения можно привести множество фактов, свидетельствующих о том, что Н.С. Хрущев и Ле Зуан сумели найти общий язык, более того, в определенном смысле они даже перезапустили взаимные отношения двух партий и стран. Судя по воспоминаниям Н. Н. Месяцева, который занимал тогда пост заместителя заведующего отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями, Н.С. Хрущев принимал Ле Зуана очень радушно, как бы игнорируя разногласия, всячески демонстрировал особо доверительную дружбу с генсеком ПТВ. В ходе приема он довольно жестко критиковал некоторых представителей своего окружения, как бы показывая Ле Зуану свое доверие, посвящая его во внутренние дела советского руководства. На торжественном обеде в честь вьетнамской делегации в отношении своих соратников он заявил буквально следующее: «— Вот Подгорный, секретарь ЦК партии, но толку от него мало. Как был сахарным инженером — так им и остался (Н.В. Подгорный окончил пищевой институт. — Д.М.). Мало чему научился в жизни. Смотреть вперед не может. Дело до конца не доводит». Подгорный, как вспоминал Н.Н. Месяцев, сидел красный как рак, губы вздрагивали, руки были сжаты в кулаки и лежали на коленях. Он откинулся от стола и, не глядя на Н.С., сдвинулся в сторону от Хрущева. Молчал и Суслов, он сидел по другую руку от Н.С. и с еле заметной иезуитской улыбкой вытянулся в сторону говорившего Н.С. Другие наши тоже молчали, опутив головы. Вьетнамские товарищи, как мне показалось, растерялись. Ле Зуан намеревался перевести разговор на сроки возможного приезда Н.С. в Ханой, но Хрущев «поехал» дальше: «— Или вот — Суслов. Я до сих пор не могу понять: он за разоблачение культа личности, за последовательную реализацию решений XX съезда партии или против? Ведь если его и сейчас в лоб спросить об этом, он ведь увильнет от прямого ответа?!»²³.

Перед нами совершенно невероятная сцена, которую Н.С. Хрущев разыграл перед Ле Зуаном. Сразу же возникает вопрос – зачем он это сделал, особенно если переговоры шли трудно и были наполнены противоречиями. Не исключено, что Н.С. Хрущев хотел показать молодому вьетнамскому лидеру, как надо выстраивать отношения с членами ближайшего руководства. Это был жест доверия и симпатии. Может быть, он хотел показать себя истинным хозяином, тем, кто тут самый главный и может позволить себе оскорблять свое окружение. В любом случае для Ле Зуана и других высших руководителей ДРВ это была довольно непонятная сцена. Ведь для них в стране, строившей социализм, было странно видеть такие отношения в высшем партийном руководстве. Несмотря на критику политики Москвы, они продолжали рассматривать СССР как страну, возглавляющую мировую борьбу с империализмом, и как чуть ли не идеал правды и справедливости.

Но самое важное произошло уже после этого странного приема, когда Н.С. Хрущев передал свои пожелания вьетнамскому другу. По воспоминаниям того же Н.Н. Месяцева, Н.С. Хрущев перед отлетом вьетнамской делегации сказал ему: «Передайте товарищу Ле Зуану, что я очень хотел приехать и провести с ним вечер. Но одно срочное дело помешало этому. Передайте, что все наши договоренности получают практическую реализацию. С китайскими товарищами пусть ведут себя как добрые соседи, в духе принципов мирного сосуществования. Пожелайте доброго пути и счастья»²⁴.

Это теплое напутствие Н.С. Хрущева вьетнамским друзьям напрочь опровергает рассказы о личной неприязни двух лидеров, взаимных обвинений и неудаче визита Ле Зуана. Какая может быть неудача, если практически все, о чем просил вьетнамский лидер, он получил от Н.С. Хрущева? Еще более важным видятся слова первого секретаря ЦК КПСС о том, что он согласен на контакты вьетнамских друзей с китайскими товарищами параллельно с советскими, несмотря даже на конфликт между ними. Это было крайне важно для Ханоя: фактически руководство ДРВ достигло того, что получило санкцию на развитие как отношений с КНР, так и с СССР, вполне легально и одновременно. Тем самым они получили возможность балансировать свои отношения с ближайшими союзниками, имея возможность получать поддержку и от тех, и от других. Более того, у руководства ДРВ появились возможности несколько дистанцироваться в отношениях с КНР. Ведь многие в Ханое справедливо опасались односторонней зависимости и попадания под контроль Пекина.

Большинство руководителей ПТВ, за исключением Хоанг Ван Хоана, который позже уйдет в эмиграцию в Китай, отдавали себе отчет в том, что у КНР при всех заявлениях о поддержке есть и свои собственные интересы в Индокитае и во Вьетнаме. Как рассказывал И.А. Огнетов в частных беседах, «вьетнамские друзья» соглашались с тем, что Пекин рассматривал Вьетнам с позиций глобального противостояния с США и защиты своих юго-западных рубежей, а не исходя из интересов собственно Вьетнама.

Кстати, в Пекине очень нервно отреагировали на успех визита Ле Зуана в Москву. В августе 1964 г. в Ханое с тайной миссией побывал генеральный секретарь КПК Дэн Сяопин. Он предложил лидерам ДРВ финансовую помощь от Китая на общую сумму 1 млрд юаней. Взамен Ханой должен был дать гарантии отказа от поддержки СССР²⁵. Руководство ПТВ не согласилось с этим предложением, что вызвало удивление в Китае и стало первой трещиной в китайско-вьетнамском партнерстве. В результате китайские товарищи оказались в той же ловушке, что и Н.С. Хрущев. Как-то наказать вьетнамское руководство за отказ от их предложения следовало, но сделать это было сложно, особенно с учетом позиционирования КНР как истинных коммунистов, которые бескорыстно помогают «вьетнамским братьям». В результате в Пекине сделали вид, что ничего не произошло, все идет как прежде, и продолжили помощь Ханую, несмотря на его контакты с Москвой. Так что вьетнамские товарищи прекрасно воспользовались своим авторитетом передовых бойцов против империализма и фактически поставили своих главных спонсоров и союзников в ситуацию, когда и те, и другие были вынуждены всячески помогать Вьетнаму, начав конкуренцию за преобладающее влияние на руководство ДРВ.

Следует отметить, что «формула Хрущева» образца 1964 г., предполагавшая свободу выбора союзников для ДРВ и самостоятельную политику, вскоре превратилась в краеугольный принцип вьетнамской внешней политики и советско-вьетнамских отношений на долгую перспективу. Эти отношения характеризовались практически полным отсутствием диктата с советской стороны и большой свободой действий со стороны вьетнамской. Именно такая сбалансированная структура отношений привела к тесной и долгой дружбе и взаимному доверию²⁶.

После возвращения Ле Зуана из Москвы критика политики СССР в прессе немедленно прекратилась. Понятно, что на это последовала санкция высшего руководства. В Москве, в свою очередь, возобновили предоставление экономической и военной помощи ДРВ;

требования оплатить предыдущие поставки были сняты, и они пошли на очень выгодных для Вьетнама условиях. Все это происходило с санкции Н.С. Хрущева, который к этому времени, после встреч с Ле Зуаном, казалось, изменил свою позицию на 180 градусов. Я полагаю, что к этому его подтолкнула не только встреча с вьетнамским лидером, но и кризис концепции мирного сосуществования и всей его политики в отношении коллективного Запада. Добиться полноценной разрядки у него не получилось, на что-то рассчитывать после Карибского кризиса тоже не приходилось. Очевидно было и то, что развязать оставшиеся после войны проблемы в Европе не удалось: противоречия между СССР и странами Запада оставались непреодолимыми даже при том, что Н.С. Хрущев «ушел» из Австрии, признал нейтралитет Финляндии. В такой ситуации логично было вернуться к активизации антиимпериалистической борьбы и показать мало сговорчивым западникам «кузькину мать». Вьетнам и его борьба с марионетками американского империализма на Юге вполне подходили для этой цели: то, что раньше было неприемлемо, теперь оказалось очень даже желательным.

Но, несмотря на то что он уже совершил важный шаг навстречу ДРВ и, казалось бы, сделал определенный выбор, Н.С. Хрущева явно терзали сомнения относительно того, правильно ли он поступил, отойдя от курса отдаления от Ханоя. Доказательством этого служит его довольно вялая и осторожная реакция на события, связанные с Тонкинским инцидентом: после до сих пор не подтвержденных нападений северо-вьетнамских торпедных катеров на американский эсминец «Мэддокс» в Тонкинском заливе (якобы состоявшихся 2 и 4 августа), американцы в ответ 5 августа 1964 г. нанесли первый бомбовый удар по территории ДРВ. А уже 7 августа Конгресс США принял так называемую «Тонкинскую резолюцию», которая стала правовой основой для начала полномасштабного участия США в боевых действиях во Вьетнаме без формального объявления войны.

В Советском Союзе обо всех этих судьбоносных событиях сообщалось очень кратко, а позиция Москвы была изложена в заявлении ТАСС от 8 августа 1964 г., в котором указывалось: «В советских авторитетных кругах решительно осуждают агрессивные действия США в Тонкинском заливе, которые ведут к опасному накалу и без того напряженной обстановки в Юго-Восточной Азии. Подобные действия, дальнейшие опрометчивые шаги или провокации в этом районе могут вызвать события, способные превратить имевшие место инциденты в широкий военный конфликт со всеми вытекающими опасными последствиями. Ответственность за такие последствия, естественно, ляжет на

Соединенные Штаты Америки»²⁷. На следующий день в газете «Правда» была опубликована информация о событиях в Тонкинском заливе со ссылкой на сообщения Вьетнамской народной армии, а также заявление советской общественности, которая, естественно, с «глубокой тревогой встретила сообщения об обострении обстановки в Юго-Восточной Азии в результате агрессивных действий США в Тонкинском заливе. Советские сторонники мира, – говорилось в заявлении, – решительно осуждают пиратские налеты авиации США на Демократическую Республику Вьетнам, создающие серьезную угрозу делу мира»²⁸.

Для реагирования на такие события, реально менявшие всю архитектуру противостояния в мире и во Вьетнаме, с бомбежкой социалистического государства и угрозой отправки американских войск на Юг Вьетнама, должно было прозвучать обращение Н.С. Хрущева к миру и к мировому коммунизму с призывом к сплочению и отражению угроз со стороны империалистов и их марионеток. Но ничего этого не было сделано: только заявление ТАСС и голос «разгневанных сторонников мира». Причина такой сдержанности советского руководства, по всей видимости, заключалась в том, что Н.С. Хрущев направил 5 августа послание президенту США Линдону Джонсону. В нем советский лидер указывал, что «хотел бы надеяться, что с Вашей стороны будут проявлены необходимое хладнокровие и сдержанность, чтобы снять военный накал и прекратить вызывающие действия американских вооруженных сил в районе Тонкинского залива, которые могут повлечь за собой соответствующий ответ другой стороны». 7 августа президент Джонсон ответил, что «США предприняли лишь минимальные оборонительные действия в ответ на нападение. США не знают, было ли это спровоцировано Пекином или же предпринято северо-вьетнамцами в попытке вовлечь Пекин в события в этом районе. Все, что СССР может сделать, чтобы удержать северо-вьетнамцев или Пекин от дальнейших безрассудных действий в этом районе, было бы полезно для дела мира»²⁹.

Очевидно, что, получив такой ответ от президента Джонсона, Н.С. Хрущев оказался на сложном перепутье. Дилемма заключалась в том, что он был вынужден либо вступить в разгоравшуюся войну на стороне ДРВ, направив туда военную помощь и военных советников (чего он избегал весь период своего правления), либо отказаться от поддержки ДРВ и пойти своим отдельным от вьетнамской войны путем, неизбежно в таком случае сближаясь с Вашингтоном, что, собственно, американский президент ему недвусмысленно предлагал.

Но сделать выбор из этой дилеммы и обозначить, в каком направлении следует двигаться СССР, Н.С. Хрущеву было не суждено. В октябре 1964 г. на пленуме ЦК КПСС он был подвергнут острой критике, снят со всех постов и отправлен на пенсию. Отношения СССР и Вьетнама перешли в другие руки, освободились от «субъективизма и волюнтаризма», и в условиях разгоравшейся Второй Индокитайской войны две страны и две коммунистические партии решительно двинулись навстречу друг другу.

Подводя некоторые итоги эпохи Н.С. Хрущева в советско-вьетнамских отношениях, можно сказать, что это был очень противоречивый период, время как близкого сотрудничества и доверия, так и разногласий и серьезных конфликтов. С одной стороны, к концу 1964 г., к моменту отстранения Н.С. Хрущева от власти, Советский Союз помог Вьетнаму модернизировать и построить 90 предприятий и гражданских объектов, в том числе 43 промышленных предприятия, 46 госхозов, ряд высших учебных заведений и больницы³⁰. Но с другой стороны, советский лидер оказался в отношении Вьетнама очень осторожным и довольно прямолинейным политиком. Своей очевидной боязнью получить в Индокитае и во Вьетнаме еще одну «горячую точку», еще один конфликт с американцами, он вызывал раздражение и у вьетнамских, и у китайских коммунистов, которые считали его страхи пустыми и в противовес ему были готовы при любых обстоятельствах воевать за освобождение Юга Вьетнама. Поэтому в рамках китайско-советских противоречий он так и не сумел завоевать симпатии вьетнамского руководства, которое больше склонялось на сторону Китая, чем СССР, и отношения Ханоя с Пекином носили намного более близкий и откровенный характер. Но была ли в этом вина Н.С. Хрущева – это большой вопрос.

Следует выделить несколько факторов, объясняющих, почему Н.С. Хрущев не пустился в соревнование в радикализме с Мао Цзэдуном и проводил в отношении ДРВ осторожную и несколько отстраненную политику, стремясь всеми силами удержать ДРВ от начала войны за освобождение Юга. Дело в том, что он реально оценивал довольно ограниченные возможности советской экономики, а вьетнамские друзья постоянно просили очень много разнообразной финансовой и материальной помощи, причем не только для восстановления своей страны, но и для начала военных действий на Юге. Финансировать и снабжать вьетнамских друзей в тех объемах, которые им были необходимы, было

очень дорого для советского бюджета, и он полагал, что Вьетнам не стоит таких усилий, расходов и рисков. Кстати, он несколько раз говорил вьетнамским друзьям, что оказывать помощь в ущерб развитию СССР и ослаблению его позиций перед лицом мирового империализма он не намерен.

Н.С. Хрущева явно не устраивало и то, как вьетнамские руководители вели с ним дела, как пытались ввести в заблуждение относительно своих планов, и как Хо Ши Мин в своем письме указал на его ошибки, фактически обвинив именно его в ухудшении отношений как с КПК, так и позже с албанскими коммунистами. Свою обиду он излил в своих мемуарах, когда написал: «После того как Пекин фактически порвал с нами всякие деловые и политические отношения и делал все, что только было в его силах, против нас, он стал навязывать свою точку зрения и Вьетнаму. К сожалению, Вьетнамская партия трудящихся пошла на поводу у Китая. Это нам очень обидно. Мы искренне ничего не жалели, оказывая помощь Вьетнаму, а Вьетнам потом делал все в угоду Китаю против нас и против интересов самого себя»³¹.

Еще очевидно, что советский лидер явно с недоверием относился к Хо Ши Мину как к старому агенту Коминтерна, много лет работавшему в Москве. Их взгляды были кардинально различны: Хо Ши Мин, жертвуя иногда собственно вьетнамскими интересами, делал все, чтобы сохранить единство коммунистического движения, понимая, что это важнейший залог его развития и успехов. Н.С. Хрущев ставил свои личные обиды и претензии выше глобальных интересов мирового коммунизма, действительно много чего не сделал, чтобы сохранить сплоченность коммунистических партий. Отсутствие «химии» с Хо Ши Мином он компенсировал тем, что в Юго-Восточной Азии у него были страны и руководители, намного более близкие ему, которым он симпатизировал гораздо больше, чем президенту ДРВ и его окружению. Он, например, дружил с президентом Бирмы У Ну, который преследовал местных коммунистов, дважды приезжал к нему в Рангун, а в Ханой к Хо Ши Мину ни разу. Он очень симпатизировал еще одному популисту – индонезийскому «отцу нации», президенту Сукарно, даже больше, чем смотревшему на Китай вождю индонезийских коммунистов Айдито. Рассматривая Индонезию при Сукарно как потенциального и близкого союзника, он послал советских военных и, в первую очередь, моряков в качестве «добровольцев» в эту страну в момент присоединения к ней части территории острова Новая Гвинея, которая принадлежала Нидерландам. По свидетельству очевидцев: «Подводники были не единственными советскими "добровольцами". Сурабаю

(главную военно-морскую базу Индонезии. – Д.М.) уже распирало от надводных кораблей с такими же "добровольцами" в индонезийской форме. Это был целый флот, включавший самые современные корабли, от подаренного Хрущевым крейсера "Ириан" (в прошлом – "Орджоникидзе". – Д.М.) до торпедных и ракетных катеров»³².

Ничего и близко подобного для поддержки действий вьетнамских коммунистов на Юге не было сделано и даже не планировалось. Получалось, что индонезийцам, где у власти находились совсем даже не коммунисты, Н.С. Хрущев отправил войска и оказал полную поддержку для присоединения Западного Ириана, а коммунистическому Вьетнаму он фактически запрещал вести военные действия за объединение страны и присоединение Юга. Все это свидетельствует о том, что советский лидер был в своих пристрастиях крайне субъективен, поэтому логически объяснить, почему он поступал так, а не иначе, задача просто нерешаемая.

И, наконец, общая ситуация в мире, характер международных отношений в Индокитае в начале 60-х также выступали серьезным ограничителем советской политики во Вьетнаме. Ведь только что был преодолен опаснейший Карибский кризис, когда две сверхдержавы буквально чудом избежали ядерной войны, и советскому лидеру явно не хотелось повторения противостояния с США образца 1962 г., но уже в Юго-Восточной Азии. К тому же у Н.С. Хрущева наладились хорошие отношения с влиятельным в Вашингтоне многолетним послом США в СССР (1957–1962) Льюэллином Томпсоном, который пользовался у него заслуженным авторитетом³³, что позволяло иметь постоянный контакт с президентом США и на основе политики мирного сосуществования решать с ним как политические, так и экономические вопросы развития взаимного сотрудничества. Советский лидер явно не хотел терять эти контакты, поэтому стремился остаться в стороне от вьетнамского конфликта и последовательно сокращал участие СССР в индокитайских делах. Посол СССР в ДРВ (1964–1974 гг.) И.С. Щербаков в 1991 г., характеризуя позицию Москвы по ситуации в Индокитае, отмечал: «В то время во вьетнамском узле сплелись интересы СССР, Китая и США. Мы не хотели ввязываться: уж очень напряженной была обстановка, имелся риск перерастания конфликта в мировой... Судя по всему, Хрущёв намеривался действовать с оглядкой, но его руководящие дни были уже сочтены»³⁴.

История, как известно, не знает сослагательных наклонений, но мне представляется, что если бы Н.С. Хрущев не оказался в плену иллюзий относительно возможности установить прогнозируемые и

сбалансированные отношения с США и добиться таким образом более прочного мира, оказывал более эффективную поддержку вьетнамским коммунистам, то события на Юге Вьетнама и в мире в целом развивались бы по совершенно другому сценарию. В нем, вероятно, не было бы американского вторжения в Южный Вьетнам и многолетней войны, впрочем, как и раскола с Китаем. Н.С. Хрущев, к сожалению, оказался подвержен страшной болезни, которая раз за разом посещает представителей российских верхов – надежде и желанию стать, если не частью Запада, то его равноправным партнером. Собственно, на это и был направлен курс на мирное сосуществование Н.С. Хрущева, и он разрывался между желанием быть на равных с Западом и партнером США и необходимостью возглавлять коммунистическое движение в мире. В результате ни там, ни там ничего путного не вышло.

И.В. Сталин оставил советско-вьетнамские отношения на подъеме, уважал и имел доверительные контакты с Хо Ши Мином. Н.С. Хрущев все это порушил и оставил своим сменщикам во власти неустойчивые, нестабильные отношения с Вьетнамом, потерявшие всякое взаимное доверие. Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгину и Н.В. Подгорному – новому правящему в СССР триумвирату, пришедшему к власти по итогам октябрьского 1964 г. пленума ЦК КПСС, пришлось выстраивать эти отношения фактически заново в сложных условиях начавшейся американской агрессии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

МОСЯКОВ Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 15.01.2026;
одобрена после рецензирования 30.01.2026;
принята к публикации 30.01.2026.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. MOSYAKOV, DSc (History) Professor, Senior Researcher, Head of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 15.01.2026;
approved 30.01.2026;
accepted to publication 30.01.2026.

¹ Тихонов П. Г. Хрущев и Вьетнам: Страницы истории советско-вьетнамских отношений (1953–1964). — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 176.

² Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1964 год: Сборник документов. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1964. — С. 238.

³ Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1964 год. — С. 236–237.

⁴ Davidson, Ph. Vietnam at War: The History: 1946–1975. — New York: Oxford University Press, 2002. — P. 84.

- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 079. Оп. 18. П. 37. Д. 8. Л. 159–161.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 079. Оп. 18. П. 37. Д. 8. Л. 159–161.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 079. Оп. 18. П. 37. Д. 8. Л. 152–158.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 079. Оп. 18. П. 37. Д. 8. Л. 152–158.
- ⁹ АВП РФ. Ф. 079. Оп. 18. П. 37. Д. 8. Л. 152–158.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. 079. Оп. 18. П. 37. Д. 8. Л. 152–158.
- ¹¹ Davidson, Ph. Vietnam at War: The History: 1946–1975. — New York: Oxford University Press, 2002. — P. 85–86.
- ¹² McNamara, R. S. In Retrospect: The Tragedy and Lessons of Vietnam. — New York: Random House, 1995. — P. 75–76.
- ¹³ Kennedy, R. F. Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. — New York: Harper & Row, 1969.
- ¹⁴ Gaiduk, I. The Sino-Soviet Division of the Revolutionary World. — New York: Columbia University Press, 1996. — P. 32.
- ¹⁵ Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах: Сборник документов. / Под ред. В. А. Зайонова. — М.: Наука, 2000. — С. 182.
- ¹⁶ Zhai, Q. China and the Vietnam Wars, 1950–1975. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000. — P. 127–128.
- ¹⁷ Иванов В. В. Советский Союз и Вьетнам: 1954–1975. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 69.
- ¹⁸ Иванов В. В. Советский Союз и Вьетнам: 1954–1975. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 69.
- ¹⁹ Иванов В. В. Советский Союз и Вьетнам: 1954–1975. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 68.
- ²⁰ Добрынин А. Ф. Проспект Версаля. — М.: Эксмо, 2016. — С. 131.
- ²¹ Gaiduk, I. The Sino-Soviet Division of the Revolutionary World. — New York: Columbia University Press, 1996. — P. 8.
- ²² Gaiduk, I. The Sino-Soviet Division of the Revolutionary World. — P. 9.
- ²³ Месяцев Н.Н. В центре власти: Страницы моей жизни. — М.: Центрполиграф, 2005. — С. 522.
- ²⁴ Месяцев Н.Н. В центре власти: Страницы моей жизни. — С. 521.
- ²⁵ Zhai, Q. China and the Vietnam Wars, 1950–1975. — P. 150.
- ²⁶ Иванов В. В. Советский Союз и Вьетнам: 1954–1975. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 72.
- ²⁷ Боевой темп, 8 августа 1964 г., № 63. Заявление ТАСС.
http://www.biblrib.ru/index.php?option=com_jdownloads&Itemid=0&view=finish&cid=2950&catid=77
- ²⁸ Правда. — 1964. — 7 августа. — № 220.
- ²⁹ Добрынин А.Ф. Проспект Версаля. — М.: Эксмо, 2016. — С. 131.
- ³⁰ Нго Дык Мань. 70 лет славного пути вьетнамо-российских отношений. // Международная жизнь. — 2020. — № 6. — С. 45–50.
- ³¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Записки. Документы: В 3 т. — М.: Олма Медиа Групп, 2016. — Т. 3. — С. 32.
- ³² Известный поход советских моряков в Индонезию.
URL: https://pikabu.ru/story/neizvestnyi_pokhod_sovetskikh_moryakov_v_indoneziyu_4302264?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing
- ³³ Иванян Э. А. Советский Союз и Индокитай: 1945–1975. — М.: Наука, 2001. — С. 539.
- ³⁴ Минеев А. Советский Союз и Вьетнам в годы войны против США (1965–1975). // Вопросы истории. — 1991. — № 8. — С. 27.